

УДК 94.(470.5).084.5:342.5

М. А. Фельдман

ПРОМЫШЛЕННЫЕ РАБОЧИЕ УРАЛА И ОРГАНЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ГОД ДЕСЯТИЛЕТИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье на основе использования статистических методов определены характерные динамики трудовых конфликтов на промышленных предприятиях Уральской области; выделены формы и методы разрешения трудовых споров. Сделаны выводы о факторах, влияющих на возникновение забастовок в промышленности, проанализированы результаты и последствия забастовочного движения. Поведение рабочих свидетельствует об их готовности защищать свои права в рамках советского трудового законодательства; надеждах на возможность договориться с администрацией предприятия. В силу этого социальный протест рабочих носил локальный, исключительно экономический характер. Диапазон самостоятельности принятия решения партийными комитетами определялся политическими причинами (стремлением уложиться в рамки мифологического «пролетарского государства»); чисто конъюнктурными (стремлением «не вынести сор из избы» и не вызвать гнев Центра); экономическими — например, запретом на перерасход фонда заработной платы, связанным с официально провозглашенным «режимом экономии». Весьма ограниченная демократичность жизни советского общества в событиях мая 1927 г. в Свердловске все-таки проявилась, пусть и не в открытом одобрении действий забастовщиков со стороны рабочих, в понимании мотивов социального протеста — у регионального руководства из числа «старых большевиков». Вариант управляемой демократии, позволяющий рабочим предъявлять свои требования в строго установленном порядке, терпеливо ожидая решения вопроса в управленческих инстанциях, судя по-всему, устраивал руководителей Уральской области, но был весьма далек от мифологической «диктатуры пролетариата».

К л ю ч е в ы е с л о в а: партия, промышленные предприятия, трудовые конфликты, Урал, рабочие, управленцы, расценки.

В юбилейный, десятый, год своего существования Советская страна входила с противоречивыми результатами социально-экономического развития. На базе введения твердой валюты успешно шло восстановление экономики, создавая предпосылки для динамичного развития страны. Это позволило значительно расширить масштабы экспорта и импорта, осуществить широкую программу

капитального строительства и сохранить высокий темп роста промышленности. Корректировка завышенных планов на 1926 г. правительством СССР во главе с А. И. Рыковым позволила восстановить хозяйственное равновесие. На протяжении всего 1926 г. реальные производственные планы сочетались со взвешенной денежно-кредитной политикой. В результате стал ослабевать товарный голод; снижался общий уровень цен, в первую очередь, на сельскохозяйственную продукцию [см.: Голанд, с. 111–113].

К концу 1926 г. зарплата рабочих составила в среднем 90 % от их зарплаты в довоенное время [см.: Орлов, с. 280]. Позитивным моментом стало сокращение жилищных расходов рабочей семьи: например, на Урале с 2,5 руб. в 1913 г. до 0,4 руб. в 1923 г. [см.: Положение..., с. 112–113]. Последующее развитие в годы нэпа трансформировало патерналистскую политику государства по отношению к рабочему классу: повышение квартплаты, стоимости топлива стало реальностью для половины рабочих, проживающих в обобщественном секторе так же, как и повышение налога на частное домовладение. В то же время малоимущие рабочие не платили за жилье [см.: Постников, Фельдман, с. 214, 222].

Тем не менее, низкий уровень жизни большинства промышленных рабочих СССР, признанный и руководителями Советского государства, обусловил тот факт, что борьба за улучшение своего материального положения стала частью повседневной жизни рабочих всех регионов страны [см.: Борисова, с. 190].

В экономической сфере были облегчены условия развития частной торговли, улучшено снабжение сырьем кустарей и ремесленников, им предоставлялись налоговые льготы. Была снижена общая сумма сельскохозяйственного налога на 40 %, уменьшены цены на сельскохозяйственные машины и увеличена продолжительность кредита на их покупку. Все это позволяет назвать экономическую политику 1926 г. обоснованной, а использование регуляторов развития многоукладной экономики относительно эффективным [см.: Голанд, с. 123].

Однако в руководстве правящей партии нарастал накал борьбы между сторонниками и противниками нэпа, вплоть до заявления об уходе с поста генсека, поданного Сталиным Пленуму ЦК

в конце 1926 г. Тем не менее, большинство членов ЦК рассматривали нэп как временную уступку, продолжительность которой определяли исходя из прагматических соображений. На стороне же оппонентов Сталина были практически все ведущие экономисты страны [см.: Ясный].

Следует отметить, что в течение 1927 г. борьба за и против нэпа оказалась в тени другой политической битвы – Сталина и его сторонников с внутривластной оппозицией. В этой борьбе Сталин одержал победу; региональные элиты подчеркнуто выразили свою поддержку победителю, но до *безусловного подчинения действиям и поступкам высшей партийной власти* со стороны провинциальных партийных руководителей было еще далеко. Новейшие исследования показывают, что система партийного контроля из Центра в 1920-е гг. была весьма несовершенной, а сам контроль – зачастую поверхностным [см.: За рамками..., с. 61].

На все стороны жизни в СССР оказывал влияние внешнеполитический фактор: осложнение отношений с западными странами; тревожные публикации в прессе, слухи о грядущей войне. В мае 1927 г. были разорваны дипломатические отношения с Англией, рассматриваемой в тот момент в качестве лидера враждебного капиталистического мира. Реальной угрозы войны не было, но Сталин использовал ухудшение международной обстановки для ужесточения режима внутри страны. Это проявилось в ухудшении отношения к предпринимателям – владельцам мелких и средних предприятий; в начале безосновательных массовых арестов инженеров и техников по обвинению во вредительстве. Компенсация нехватки средств для обеспечения планируемого прироста импорта машин и оборудования во многом была возложена на плечи рабочих. «Военный психоз» стал поводом для нового витка повышения интенсивности труда в советской промышленности [см.: Голанд, с. 118, 123].

Так, развернувшаяся в 1926 г. кампания по проведению «режима экономии» сопровождалась сокращением штатов и заработной платы для различных категорий занятых и мало учитывала интересы рабочих. Подобная «модификация» курса вызывала недовольство промышленных рабочих, побуждая их к частым остановкам

производства, ухудшению трудовой дисциплины. Наконец, обострение международной обстановки, вызвав повсеместную панику среди населения, и привело к новой волне товарного голода [см.: Орлов, с. 282–283].

* * *

Попробуем разобраться в событиях «юбилейного» 1927 г. на примере, казалось бы, локального события – забастовки рабочих-металлургов 12 мая 1927 г. на ВИЗе – Верх-Исетском заводе «Красная кровля» – крупнейшем предприятии Свердловска – центра Уральской области (административного объединения, существовавшего в 1923–1934 гг. и охватившего большую часть Уральского экономического района).

Мне уже приходилось рассматривать историю этой забастовки в рамках небольшой статьи [см.: Фельдман, 2002]. Однако новый ракурс изучения истории 1920-х гг. с точки зрения взаимоотношений власти и рабочих позволяет рассмотреть частное событие во взаимосвязи экономических, политических и социальных проблем.

Существуют два наиболее полных источника информации о событиях на Верх-Исетском заводе.

В докладной записке члена пропагандистской группы ЦК ВКП (б) И. Г. Топузиса на бюро Уральского обкома ВКП(б) 22 мая 1927 г. (т. е. через 8 дней после забастовки) отмечалось, что причинами стачки стали «несправедливые» требования рабочих на получение всех выгод от переоборудования мартеновских печей. Как о вторичных причинах, упоминалось об ошибках счетоводов в определении расценок оплаты труда, технической отсталости предприятия, а также о нечуткости хозяйственных руководителей к нуждам рабочих [ЦДООСО, ф. 4, оп. 5, д. 317, л. 3–12].

Автор весьма обширной докладной записки (57 стр.) только в косвенной форме (ссылаясь на требования рабочих-визовцев) сообщает об объективных предпосылках забастовки: увеличении норм выработки и снижении расценок оплаты труда металлургов с 1 января 1927 г., признавая, впрочем, что «задачи, выдвинутые забастовкой, не разрешены и после ее окончания».

К маю 1927 г. внутрипартийные дискуссии близились к победному для Сталина завершению; нормы действий и служебного поведения партийных функционеров все более унифицировались и подгонялись к единому образцу. Показательно, что докладная записка И. Г. Топузиса содержала набор весьма примечательных штампов своего времени.

Во-первых, рабочие-забастовщики назывались «отсталыми элементами». Подчеркивалось их «ненастоящее пролетарское происхождение» (владельцы собственных домов и земельных участков). С учетом того, что именно такие рабочие и являлись на Урале кадровыми и потомственными [см.: Фельдман, 2002], обвинение приобретало совершенно иной смысл: социальный протест исходил от наиболее многочисленного и квалифицированного слоя рабочих. Невольно подтверждая это, Топузис отмечал, что профсоюзная и партийная организации мартеновского цеха – опоры бастующих – оказались на стороне забастовщиков. Поддержку мартеновцам оказывали рабочие других цехов завода, заводской профсоюз, коммунисты ряда цехов.

Во-вторых, идейным вдохновителем забастовки называлась внутрипартийная оппозиция, *без приведения каких-либо подтверждающих фактов*.

В-третьих, документ призывал к «разоблачению» и наказанию рабочих-руководителей забастовки – старого большевика Левантовых и героя Гражданской войны Шалина.

В-четвертых, в докладе неоднократно подчеркивалось, что забастовка носит единичный характер, не заслоняя главного: «рабочие любят РКП(б)».

Как видно из этой части докладной записки, «хозяева пролетарского государства», стоило им обратиться к отстаиванию своих вполне легитимных прав, быстро превращались в «отсталые элементы». Под «отсталость несознательных» рабочих подводилась «идейно-теоретическая база»: связь с врагами партии – «мелкобуржуазной» оппозицией. В такой ситуации никакие былые заслуги, включая революционное прошлое, не могли спасти от сурового наказания.

Завершив ставшую уже обязательной «разоблачительную часть», И. Г. Топузис в своей докладной записке приводил совсем иные факты. Бастовавшие рабочие выдвигали весьма скромные требования: о возвращении зарплат в 1927 г. на уровень 1926 г.(!), соблюдении норм охраны труда; пресечении грубости со стороны административного персонала. Дословно была приведена и прямая эмоциональная речь мартеновца Шалина: «Мы умираем с голоду при том, что горим у печей». Даже убрав метафорический оттенок сказанных слов, очевидно, что визовцы указывали не на надуманные или инициированные извне причины конфликта, а на вполне объективные проблемы.

Как функционер не самого высокого ранга Топузис мог не знать о постановлении Президиума ВСНХ от 6 февраля 1926 г., где достижение «режима экономии» увязывалось с замораживанием заработной платы и переходом на оплату ряда ранее бесплатных социальных услуг.

Как член пропагандистской группы ЦК ВКП(б) Топузис не мог не знать о том, что все органы на протяжении 1926 и первых месяцев 1927 г. постоянно внушали, что темпы роста заработной платы рабочих далеко обогнали показатели роста производительности труда.

При этом замалчивался тот факт, что если в 1926/27 хозяйственном году заработная плата рабочих всех отраслей промышленности СССР составляла 88,4 % от довоенного уровня, то стоимость бюджетного набора выросла более чем в 2 раза [см.: ЦДООСО, ф. 4, оп. 5, д. 350, л. 24].

С учетом низкого уровня эффективности хозяйствования «красных директоров» финансовое положение предприятий оставалось сложным, порождало постоянные задержки заработной платы. Об этом откровенно говорил на пленуме заводского профсоюзного комитета на следующий день после забастовки многолетний директор ВИЗа, рабочий-выдвиженец Н. М. Давыдов. Анализ приведенных в докладе выступлений на пленуме заводского профсоюзного комитета показывает, что присутствующие (в основном члены партии) говорили не о вине забастовщиков, а о сложностях производственных процессов, неспособности администрации цехов

мотивировать труд рабочих. В несколько иной тональности прошел партийный актив завода 16 мая 1927 г. Однако и здесь немалая часть выступающих говорила о несовершенстве системы оплаты труда, и только в отдельных выступлениях упор делался на «связь забастовщиков с оппозицией» [Там же, д. 317, л. 28–29].

Не прозвучало однозначного осуждения забастовщиков и на бюро районного комитета партии 17 мая 1927 г. Главный недостаток забастовки и ее последствий райкомовцы видели скорее в том, что «сор вынесен из избы», чем в незаконности требований рабочих [см.: Там же, л. 34].

Если в приведенной выше основной части докладной записки И. Г. Топузиса, доведенной до членов бюро Уральской области, «антигосударственность действий» забастовщиков не подлежала сомнению, то в секретной части доклада, адресованной в ЦК ВКП(б), ее автор писал о том, что вина за забастовку падает не на рабочих – «смутьянов», а на администрацию предприятия. Неизбежности забастовки не было, заключал Топузис [см.: Там же, л. 36–38]. Более того, в полном соответствии с трудовым законодательством рабочие ВИЗа обращались с жалобами к администрации цехов предприятия, подавали жалобу в завком завода; просили созвать обще-заводское собрание. Тем не менее, даже после трех месяцев ожидания разбора жалобы какого-либо диалога руководства предприятия и рабочих-визовцев фактически не состоялось [см.: Там же, л. 42].

Текст докладной записки со всей очевидностью показывает: дифференциация информации в 1927 г. зависела от служебного положения управленцев. Только высшему кругу чиновников доверялись (под грифом «секретно») сведения об истинном положении дел. Такой полог секретности позволял держать в неведении о подлинном значении происходящих событий в стране не только общество в целом, но и основную часть партии.

Дихотомия информационного пространства позволяла манипулировать восприятием советской действительности, затемняя глубину и масштаб противоречий нэпа.

Следует отметить и обратное: при всех очевидных негативных сторонах послеоктябрьских лет, революции 1917 г. привели в движение широкие социальные слои, поверившие в демократические

лозунги социалистических партий, включая большевиков. На этой основе возникли и демократические форматы решения трудовых конфликтов в промышленности.

С начала 1920-х гг. преобладающая часть трудовых конфликтов стала рассматриваться примирительными камерами и третейскими судами, возникшими во второй половине 1922 г. и укрепившими свое положение с изданием Кодекса законов о труде. Более того, как раз показателем определенной демократичности нэпа, положения рабочих в обществе является тот факт, что на протяжении 1923–1927 гг. доля разрешенных конфликтов в промышленности СССР в пользу профсоюзов возрастала и (с учетом компромиссных решений) достигала 70–80 % [см.: Кирьянов, с. 29, 32]. События на ВИЗе указывают на предел правового решения проблемы: низкая рентабельность советских предприятий заметно суживала диапазон управленческих решений.

Косвенно это подтверждает и справка ОГПУ о событиях на ВИЗе. В документе фиксировалось недовольство рабочих постоянными задержками выплаты заработной платы. Справка ОГПУ не содержала упоминания о каких-либо политических требованиях визовцев; экономическую забастовку рабочих ВИЗа чекисты рассматривали лишь как один из трудовых конфликтов рабочих весной 1927 г. на заводах Урала (в числе имевших место на Невьянском, Чусовском и других предприятиях), спровоцированный нарушениями в системе оплаты труда [ЦДООСО, ф. 4, оп. 5, д. 32, л. 16–19].

Трудовому конфликту, говорилось в справке ОГПУ, предшествовало длительное обсуждение ситуации с оплатой труда рабочих на профсоюзном комитете ВИЗа, где выступили будущие лидеры забастовки. Рабочие доказали, что, хотя вопрос о расценках разбирался администрацией три месяца, точного подсчета расценок работ металлургов не существует [см.: Там же, л. 16–17]. Здесь же, на профкоме, было выдвинуто требование: прекратить работу и двух делегатов отправить в Москву, в ВЦСПС. С 6 часов утра 12 мая работа в мартеновском цехе была остановлена. Из 216 рабочих на работу вышли только 15. Заводоуправление выставило рабочим ультиматум: *кто не выйдет на работу, на следующий день,*

т. е. 13 мая, *будет уволен*. В связи с этим рабочие ряда других цехов просили администрацию создать общезаводское собрание, но получили отказ. К часу дня 13 мая почти все бастующие собрались у заводоуправления, заявив, что они согласны возобновить работу, если их лидеры будут приняты обратно. Но и здесь рабочие получили отказ. В среде забастовщиков произошел раскол, и 13 мая, начиная с третьей смены, рабочие вышли на работу. 14 мая металлурги вышли на работу в полном составе. Тем не менее, 9 рабочих-мартеновцев – руководителей забастовки – были уволены.

Заметим, что чекисты, внимательно отслеживавшие высказывания рабочих, владели информацией о куда более резких оценках своего положения уральскими пролетариями. В том же 1927 г., как свидетельствовало оперативное донесение, группа из 25 машинистов паровых молотов Усть-Катавского вагоностроительного завода, находясь в конторке мастеров, заявила, что «получает гроши, намного меньше, чем до революции». Аналогичные заявления были зафиксированы агентами ОГПУ на металлургическом и машиностроительном заводах Златоуста [см.: ЦДООСО, ф. 4, оп. 6, д. 71, л. 5, 17].

Как и по всей стране, в сообщениях ГПУ трудовые конфликты учитывались более объемно и полно. Но столь же характерным было восприятие протестного движения рабочих как отдельных конфликтов с отдельными нерадивыми руководителями [см.: Борисова, с. 194, 204].

Содержание сводок ОГПУ полностью дезавуирует утверждение И. Г. Топузиса о том, что забастовка на ВИЗе носила единичный характер. Так, летом 1927 г. в СССР в день в среднем проходило более трех забастовок, и 75 % трудовых конфликтов были связаны с требованием повысить заниженные расценки оплаты труда [ЦДООСО, ф. 4, оп. 5, д. 26, л. 2–3]. Безусловно, за 1922–1927 гг. численность бастующих промышленных рабочих в СССР сократилась почти в 8 раз; тем не менее, и в 1927 г. в 396 забастовках приняли участие 25,4 тыс. человек [см.: Кирьянов, с. 23]. С учетом средней численности бастующих (немногим более 60 человек) можно сделать вывод: забастовочный протест с уровня завода перешел на уровень цеха.

Тем не менее, протестная активность рабочих оставалась высокой. При сравнении данных по промышленности Уральской области за первое полугодие 1926 г. и за первое полугодие 1927 г. обнаруживается, что число конфликтов увеличилось с 1251 до 1352, а число участников – с 180 518 до 182 945. Однако характерно и то, что доля конфликтов, рассмотренных в третейских судах и примирительных камерах, выросла с 79,3 до 93,2 % [ЦДООСО, ф. 4, оп. 5, д. 31, л. 27].

В такой обстановке, понимая типичность социального протеста визовцев, бюро Уральского обкома ВКП(б) в мае 1927 г. дважды приступало к анализу событий на ВИЗе. На первом заседании бюро – 14 мая – была только заслушана информация о забастовке, без принятия каких-либо решений. Вместе с тем показательным следует считать заявление В. Н. Андронникова, председателя Совета народного хозяйства Уральской области, о том, что зарплата в 1927 г. у промышленных рабочих не должна быть ниже уровня 1926 г. [см.: Там же, д. 10, л. 77]. Нетрудно заметить, что В. Н. Андронников фактически повторил одно из требований забастовщиков.

Объективные причины забастовки на ВИЗе становятся более понятными при анализе материалов бюро Уральского обкома ВКП(б) от 31 мая 1927 г., рассмотревшего вопрос о положении дел в уральской промышленности. Было отмечено, что в 1925/26 хоз. г. вместо запланированной прибыли предприятия Уральской области закончили год с существенным убытком. Убыточность сохранялась и в первые месяцы 1927 г. Показатели себестоимости продукции продолжали расти.

Среди факторов, предопределивших подобное явление, члены бюро назвали подорожание топлива, сбой в работе железнодорожного транспорта; массовые прогулы рабочих, из-за которых рабочее время использовалось только на 60 % [см.: Там же, д. 304, л. 1–3, 37].

Огромное значение приобрел вопрос о руководящих кадрах уральской промышленности: большинство руководителей трестов и представителей директорского корпуса не имели технического образования; часто перебрасывались из отрасли в отрасль; были перегружены общественной работой (участием в многочисленных

комиссиях, партийных комитетах и т. п.). Верно оценив ситуацию и констатировав невыполнение циркуляра ЦК от 26 июля 1926 г. (требовавшего освобождения хозяйственных руководителей от всех партийных и общественных обязанностей), бюро Уралобкома ориентировалось на выполнение указанного циркуляра ЦК; обучение красных директоров на ежегодных краткосрочных курсах и усиление выдвигенчества рабочих на руководящие должности в промышленности [см.: Там же, д. 11, л. 246]. Стоит ли говорить, что подобная практика вела только к консервированию нерентабельности предприятий.

Членами бюро обращалось внимание и на весьма показательный пример государственного финансирования предприятий промышленности: из разрешенных к кредитованию 37,2 млн руб. уральские тресты и заводы получили только 27 млн руб., или 75 %, что не могло не вызвать сбоев в системе выплаты заработной платы. Кроме того, коллективные договоры предприятий, оторванные от корреляции с ростом производительности труда, на 18–20 % превысили фонд заработной платы [см.: Там же, д. 12, л. 137–138].

Убыточность уральской промышленности бесспорна, говорилось в выступлении председателя ВСНХ РСФСР, бывшего рабочего С. С. Лобова. Себестоимость в 1926/27 г. вместо понижения повысилась на 5 %. Другой выходец из рабочей среды, Ф. Локацков (с марта 1926 по апрель 1928 г. председатель Уральского облисполкома), подчеркивал: при низкой заработной плате только личное хозяйство выручает уральского рабочего, но «такой двойной труд дается ему страшно тяжело». Профсоюзный работник И. Толстопятов, назначенный вскоре заместителем наркома труда РСФСР, прямо заявил, что политика заработной платы по отношению к уральским рабочим носит порочный характер [см.: Там же, д. 304, л. 19–20, 37].

В первые месяцы 1927 г. Уралобком дважды отправлял в ЦК ВКП(б), ВСНХ, ЦК Союза металлистов телеграммы о хронической задолженности в выплате зарплаты в уральской промышленности, однако ситуация не менялась [см.: Там же, д. 11, л. 241]. Как видно, взрывоопасная ситуация понималась, объяснялась и даже предсказывалась.

Но если руководители Урала хорошо знали подлинное положение дел с зарплатой, тогда почему забастовка рабочих ВИЗа была фактически подавлена? Судя по тексту докладной записки И. Г. Топузиса и архивным документам, содержащим сведения о содержании заседаний бюро Уралобкома, управленческий багаж партийных лидеров ограничивался призывами к усилению агитационно-массовой работы и, намного реже, к учету замечаний специалистов.

Кроме того, к 1927 г. у правящей элиты выработалась устойчивая привычка: владея точной информацией, оставлять право на критику только самим себе. Критика же снизу, даже от представителей рабочих («правлящего класса»), рассматривалась как стихийная и в силу этого вредная. Поскольку в большинстве случаев забастовки на госпредприятиях (официально признанных «социалистическими») начинались без разрешения профсоюзных и партийных органов, то, по мнению представителей официальной власти, они носили антисоциалистический характер. Тем самым усиливалась линия разъединения между правящим слоем, отстаивающим доктринерские подходы, и основной массой населения, ориентированной на реальные условия жизни.

История конкретного трудового конфликта способна при сопоставлении с панорамой исторической практики подвести к обобщающим выводам. Социальный протест рабочих ВИЗа носил обоснованный характер, и был только одним из подобных выступлений промышленных рабочих в 1927 г.

Вопреки принятой в советской историографии концепции, забастовка на ВИЗе была организована не отсталыми группами рабочих, а практически всем трудовым коллективом мартеновского цеха – головного подразделения металлургического завода; она поддерживалась большинством заводчан. В основе выступления сталеваров ВИЗа лежал протест против низкого уровня жизни, т. е. ими выдвигались чисто экономические требования. Однако и эта акция была воспринята как вызов механике власти в СССР. События 12–13 мая 1927 г. подтверждают наблюдения безвременно ушедшего петербургского историка С. В. Ярова о том, что настроения рабочих в 1920-е гг. отличались крайней неустойчивостью

и стремлением к конформизму с властями [см.: Яров, с. 114]. Политическая лояльность объяснялась не только угрозами репрессий, но и глубоким расколом в среде самих промышленных рабочих; стремлением администраций предприятий отложить на «более благополучное время» решение назревших проблем.

В такой ситуации рабочие требования даже в год десятилетия Октября удовлетворялись частично. Показательной можно считать статистику итогов разбора трудовых конфликтов по металлопромышленности Уральской области за 1927 г.: 43,7 % из них закончились в пользу рабочих; 29,9 % – в пользу администрации предприятий; остальные – 26,4 % – не имели какого-либо результата [ЦДООСО, ф. 4, оп. 5, д. 296, л. 11]. Сравнение приведенных цифр с общесоюзными показателями (по государственным предприятиям) дает соответственно следующие цифры: 36,7 %, 32,2 % и 32,1 % [см.: Кирьянов, с. 25] (даже с учетом особой значимости металлопромышленности в индустрии), позволяет сделать вывод о различных подходах региональных властных структур к решению трудовых конфликтов.

Отметим и такую важную тенденцию: доля трудовых конфликтов в СССР, закончившихся полностью в пользу рабочих, за 1922–1927 гг. неуклонно снижалась: с 79,9 до 36,7 %. Между тем, массовость рабочих выступлений объяснялась еще и тем, что только угроза забастовки заставляла администрацию принимать меры к урегулированию давно назревших проблем, многие из которых выходили за пределы их компетенции и коренились в экономической системе [см.: Борисова, с. 193, 238].

Диапазон самостоятельности принятия решений партийными комитетами определялся политическими причинами (стремлением уложиться в рамки мифологического «пролетарского государства»), а также чисто конъюнктурными (стремлением «не вынести сор из избы» и не вызвать гнев Центра) и экономическими (запретом на перерасход фонда заработной платы, связанным с официально провозглашенным «режимом экономии»). В этой связи показательно бесхитростное признание руководства Всесоюзного профсоюза металлистов о том, что в результате пересмотра расценок

в начале 1927 г. у рабочих металлургических предприятий Урала удалось сэкономить 73, 2 млн руб., или 2 % от фонда заработной платы. Такая констатация снижения зарплат рабочих ведущей отрасли уральской промышленности Президиумом ЦК ВСРМ подавалась как позитивный сдвиг в работе профсоюзов [ЦДООСО, ф. 4, оп. 5, д. 296, л. 9]. В свете приведенного факта все последующие утверждения профсоюзных работников о росте членства металлургов в союзах, росте общественной активности рабочих, выдвиженчестве приобретали характер определенной «игры по правилам».

Характерно, что через год в докладной записке инструктора Уральского обкома ВКП(б) отмечалось, что в мартеновском цехе ВИЗа рабочие вновь выражают недовольство, утверждая, что на концессиях рабочие больше зарабатывают, чем на госпредприятиях [ЦДООСО, ф. 4, оп. 6, д. 1674, л. 4–5]. Таким образом, социальный протест рабочих загонялся внутрь и искал выхода в скрытых формах, например, в повышенной текучести кадров.

Выделим еще одну форму скрытой протестной активности: уменьшение представительства рабочих «от станка» в партийных организациях. Как свидетельствовала сводка Уралобкома ВКП(б), доля коммунистов среди рабочих 11 крупнейших предприятий Урала за январь-апрель 1927 г. (т. е. месяцы, которые характеризуются всплеском трудовых конфликтов) сократилась с 11,1 % до 10,1 % [ЦДООСО, ф. 4, оп. 5, д. 45, л. 34].

Подведем итог. Весьма ограниченная демократичность жизни советского общества в событиях мая 1927 г. в Свердловске проявилась в пусть и неоткрытом одобрении действий забастовщиков со стороны рабочих, но и в понимании мотивов социального протеста у регионального руководства из числа «старых большевиков» – выходцев из рабочей среды, большинству из которых не было и 40 лет. Если революционное прошлое еще позволяло, хотя бы умозрительно, быть вместе с «товарищами по классу», то номенклатурное настоящее превращало «хозяев страны» в эксплуатируемую государством массу наемных рабочих. Вариант управляемой демократии, позволяющий рабочим предъявлять свои требования в строго установленном порядке и затем терпеливо ожидать рас-

смотрения вопроса в управленческих инстанциях, судя по всему, устраивал руководителей Уральской области, но был весьма далек от мифологической «диктатуры пролетариата».

Характерно, что в ходе подготовки забастовки и самих событий 12 мая 1927 г. не были зафиксированы высказывания, осуждавшие нэп. Выскажу мнение, что, в отличие от позиции Сталина и его сторонников, преимущества новой экономической политики к 1927 г. стали более очевидными в провинции как для рабочих, так и для региональной элиты. С учетом эволюции взглядов уральских управленцев на нэп в 1923–1927 гг. можно судить о возросшей терпимости к сохранению многоукладной экономики и более полном понимании значения кооперации.

Поведение в мае 1927 г. рабочих одного из самых «революционных» в дооктябрьский период заводов Урала [см.: Гагарин] свидетельствует об их готовности защищать свои права в рамках советского трудового законодательства и надеждах договориться с администрацией предприятия. В силу этого социальный протест рабочих носил локальный, исключительно экономический характер.

В реальной жизни, как показывают сводки ГПУ, подавляющее большинство забастовок проходило на госпредприятиях и без ведома профсоюзов. В ходе забастовок параллельно с переговорным процессом всегда шло выявление зачинщиков, инициаторов забастовок, которые, как правило, выявлялись органами ГПУ. На них навешивались политические ярлыки антисоветских элементов, находящихся под влиянием меньшевиков или эсеров.

Содержание двух документов, опубликованных в 1927/28 хоз. г.: директив Пятилетнего плана народно-хозяйственного строительства СССР и Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. (признанного в качестве образца регионального развития), указывало на сохранение многоукладной экономики. Социальное планирование имело конкретные адресаты: рост реальной зарплаты должен был позволить рабочим увеличить расходы на культурно-бытовые нужды; расширение душевой нормы жилья – создать условия для «культурного быта, укрепления здоровья и прочной оседлости пролетариата».

В контексте такого развития уменьшались как предпосылки для новых трудовых конфликтов в рамках нэповской экономики, так и основания для репрессивных мер власти. В этих условиях, а также при отказе от курса на обострение международной обстановки в форме подстрекательства зарубежных компартий к революционным действиям сохранялись возможности для продолжения новой экономической политики.

Борисова Л. В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924). М., 2006.

Гагарин А. А. Трудовой коллектив Верх-Исетского завода в 1900–1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009.

Голанд Ю. М. Разрушение НЭПА: экономические, идеологические и политические предпосылки // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : материалы междунар. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 112–134.

За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011.

Кирьянов Ю. И. Литература о трудовых конфликтах // Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. М., 1998. С. 23–31.

Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.

Положение труда на Урале в 1923 г. Свердловск, 1924.

Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург, 2006.

Фельдман М. А. Забастовка на Верх-Исетском заводе 12–13 мая 1927 г. // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23–24 мая 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 207–209.

Яров С. В. О пользе нового прочтения документов : Рабочий активизм в послереволюционной России // Отеч. история. 2002. № 2. С. 112–123.

Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012.